

Литературный Факел

Художественно - публицистический АЛЬМАНАХ

Нефтегазстройпрофсоюз РФ: первопроходцы и поэты

Людмила ИСАЕВА

*ОАО «Химпром», г. Новочебоксарск
Чувашской Республики*

* * *

По улице своих воспоминаний
Я снова в одиночестве брожу.
В плену обид и разочарований
Я все равно себя не нахожу.

Немало в жизни поворотов было,
И что за каждым – знать я не могла.
И все ж ни разу я не отступила,
Вперед, не оборачиваясь, шла.

Не все случалось так, как я хотела:
Ломались планы, лопались мечты.
По тем обломкам я пройти сумела
И в новом месте строила мосты.

Не все, кого любила, были рядом.
Но кто-то просто мимо проходил,
А кто-то лжи выстраивал преграды,
Предательством искусно путь мостил.

Но я переступала хладнокровно
Через преграды козней и интриг.
Я выбирала путь, порой неровный,
Не заходя туда, где был тупик.

Обиды горькой в сердце не таила,
Не мстила тем, кто предавал меня.
Любовью к людям я себя хранила
И делалась сильней день ото дня.

На тех, кто мне когда-то делал больно,
За пазухой я камня не держу.
Пусть это было вольно иль неволью,
В разборках смысла я не нахожу.

Себя я никогда не унижала
Ответным, мстительным плевком.
Я просто больше их не приглашала
Ни в жизнь свою, ни в душу и ни в дом.

А боль... Так это тест на выживание:
Смогу ли, пронесу ль, переживу?
Но это все ж не разочарованье –
Закалкой духа это я зову.

А потому в своих воспоминаньях,
Где я, как в старом городе, брожу,
В плену обид и горестных терзаний,
Поверьте, я себя не нахожу.

УХОДИ

Я тебя отпускаю. Иди...
Местью путь мой не будет окрашен.
Все, что ждет тебя там, впереди, –
То твое лишь отныне. Не наше.

Я любви своей длинную нить
Добровольно в клубочек смотаю
И сумею тебя удивить
Тем, как просто тебя отпускаю.

В душу я никого не впущу,
Чтоб с моей не знакомилась болью.
Что с уходом твоим ощущу –
Уж мое все. Не наше с тобою.

Я хочу, чтоб запомнил меня
Не в слезах и не в крике истерик.
Отпускаю тебя, не кляня,
Хоть и с чувством глубокой потери.

Я найду в себе силы сказать:
«Счастлив будь...» – и вослед улыбнуться,
Чтоб не смог ты себя наказать
Обязательством снова вернуться.

Я лишь узы любви признаю,
А у нас с тобой были оковы.
И тебе я свободу даю
И от них, и от данного слова.

Я твое обещанье любить
Без упреков тебе возвращаю.
И прощания чашу испить
Я любовью себе помогаю.

Отпускаю тебя. Уходи...
Я б могла за тебя побороться.
Но зачем? Твое сердце в груди
Для другой уже женщины бьется...

Тамара БРАГИНА

*Татарстанский республиканский
комитет профсоюза*

Нефть идет

Монтаж, бурение, опрессовка –
Судьбы моей круговорот.
Лоснится с гордостью спецовка:
– Мы победили, нефть идет!

Как много было преткновений,
Природа на дары скупа.
Но ты, нефтяник, нынче гений:
Есть нефть и полнится труба.

Не отступил, не спасовал
И шел сквозь время и невзгоды.
Не раз валился наповал,
Схлестнувшись накрепко с породой.

И вот победа! Час настал.
Твоя взяла, нефтяник-мастер.
И твой по праву пьедестал –
За волю, мужество, характер!

* * *

Ах, опять заводная явилась весна –
То шуршит, то поет или плачет.
С нею грусть и тоска. С нею ночи без сна,
И мечтается с нею иначе.

Вновь исходит тепло от родимой земли,
Будто запросто грудь распахнули.
По небесной лазури плывут корабли –
Это птицы из странствий вернулись.

Как непрощенный гость, пробирается день,
Мне в лицо заглянул солнца лучик.
За окном суета, птичий гомон и звень,
В душу хлынули волны созвучий.

Видно, тает, как льдинка, живая душа,
Ей в груди одиноко и тесно.
И рассвет, засмуцавшись, легонько дрожа,
Затекает весеннюю песню.

* * *

Перекресток, над степью туманы,
Дунет ветер, и дверь заскрипит.
Отзовется душа, будто странник,
На печальную песню раки.

Жизнь от даты до даты незрима,
Между станций ее промежутки.
У природы талантливый снимок:
На пригорке цветут незабудки.

* * *

Бледно-розовый март
В голубом перламутре.
Солнце входит в азарт,
Холодит еще утро.

И зима покрывало
Тянет к синему лесу.
Потрудилась, устала,
Побавилась весом.

Где ей спорить с весной:
Та пришла и невестится,
Голубою капелью,
Что алмазами, светится.

Всюду, глянь, полноводные
Через край ее чувства.
Я весну обожаю,
Всей душой ее чувствую.

Николай АГАФОНЧИКОВ

*Верхневолжское ПТУС филиала
ОАО «Связьтранснефть»*

Моей России

Вот уже пятьдесят...
Позади половина
Мне отмеренных дней
И, конечно, ночей.
Не был я на войне
И на землях целинных,
Но куда б я ни шел,
Поклонялся лишь ей.
Наша светлая Русь,
Я твой сын до скончанья,
Мой земной тебе низкий,
Глубокий поклон...
В день, когда надо мной
Снимут шапки в молчаньи,
Я очнусь и скажу:
Это призрачный сон.

Ты, Россия, меня
Берегла и хранила,
И дай Бог тебе жить
Миллион славных лет...
Я живу для тебя,
В этом – вся моя сила,
Ты всегда для меня
И Рожденье, и Свет.
...Мне еще пятьдесят,
Впереди половина
Моих творческих дней
И, конечно, ночей...
Не был я на войне
И на землях целинных,
Но где б ни был, ни жил, –
Я с Россией моей.

Женщины

Прекрасны наши женщины весной,
В них столько обаяния струится.
И кто-то может стать твоей судьбой,
Как в выборе своем не ошибиться?
Приветлив и чарующ каждый взгляд,
Тепло и лучезарно светят лица,
Вот встретилась, и – нет пути назад,
Люби весну, она не повторится.
Она вернется ровно через год,
Природа незаметно обновится...
Но минул год, и ты уже не тот,
А заново ничто не возродится.
Бессмертен в этой жизни лишь поэт,
Он Богу одному всегда послушен.
Уходит, оставляя людям свет,
И лечатся строкой людские души.
Кто в жизни так поэта вдохновил,
Кому в его строках весь мир обещан,
Кого же он, любя, боготворил?
Все ясно, «се ля ви» – ищите женщин.

Мужчины

Мужчинам повторять не нужно дважды,
Они же понимают все без слов...
Мужчины в дом войдут многоэтажный,
Снискав себе и славу, и любовь,

Спасая незнакомого ребенка
От пламени стихийного огня...
За подлость оплеуху влепят звонко,
Закон любви и верности храня.
Мужчинам повторять не нужно дважды,
Мужчины, понимая все без слов,
За дело чести в бой пойдут отважно,
Снискав в народе славу и любовь!

Ярославль

Я город Ярославль люблю до слез.
Мил сердцу он и дорог для меня
Раскрывшимся букетом белых роз
На фоне изумрудного огня.
Поднялся знак над Волгою-рекой,
Светясь во глубине зеркальных вод...
Здесь царствуют величие, покой,
Живет во граде замечательный народ.
О стенах белокаменных его
Стихи поэты пишут неспроста,
Не город – панорамное кино,
Сравнимые со сказкою места.
Любуешься и взгляд не оторвешь
От храмов, колоколен, площадей,
И сам как будто издревле живешь
Под звон колоколов его церквей.
...Расти, мой Ярославль, и хорошей,
Над Волгой расправляя два крыла,
Как символ вечной юности своей,
Как знак гостеприимства и тепла.

Линейщикам

Нам, видно, судьба находится на трассе,
В дожди и в метели, в жару и в мороз...
Вы знаете, в чем у линейщиков счастье?
Оно – во вращеньи машинных колес,
Везде – в непролазных лесах и болотах,
В простом напряженьи летящих недель.
На быстрых «Буранах» оно, в вертолетах,
Во всей бесконечности трассовых дел.
Сто раз повторяясь, скажу вам, ребята,
Что всех вас я очень и очень люблю...
Лишь вы помогаете стать мне крылатым,
О вас я пишу и для вас же пою!

Елена ПОПЫХАЙЛЕНКО

Наши матери

Где взять слова, чтоб миру рассказать
О том, кто всех милей на свете,
Кто дверь нам в этот мир открыл,
С кем солнце по-особенному светит.
О маме можно долго говорить,
Слова не трудно подбирать:
Во все века поэты всей земли,
Не уставали маму воспевать.
Мы при рождении взгляд ее встречаем,
И блеск лучистых, ясных глаз,
И нежность рук при пеленанье –
Все это в памяти у нас.
Любви такой, как любит мать –
Безмерно, сильно, без остатка –
Никто не сможет больше дать,
Столь самоотверженной и сладкой.
Когда нам становится туго по жизни,
Свет меркнет – не видно просвета,
Как в детстве, мы сразу же к маме бежим
За мудрым, нужным и добрым советом.
Лишь только у мамы можно согреться,
Поплакать, все высказать, всем поделиться,
Лишь только она все простит и поймет.
И если задуматься, так получается,
Что мама всю жизнь ради нас проживает,
Хлопочет, волнуется, сильно старается...
А что же взамен она получает,
Как можно воздать ей за весь ее труд?
Все просто и очень легко:
Любите своих матерей,
Попробуйте так же любить, как они,
И, может быть, даже сильнее!

Владимир АНТИПОВ

Шёпот листопада

Скажи, о чем шепчутся листья
Склоненных березок к реке
Быть может, о ветре, что мчится
К забытой мечте вдалеке.
Скорее всего – о прекрасном,
Воздушном и легком крыле –
Промчавшемся в небе бесстрастном
Летящем на юг журавле.
А может, и вовсе о ночи,
Что спрятала день под плащом,
Что к осени дни все короче
И небо исходит дождем.

Как жаль, что язык листопада
Не в силах никто разгадать.
А впрочем, зачем? Нет, не надо
Листьям шептаться мешать.

Марина РОМОДИНА

* * *

Не печалься, не плачь, не грусти,
Все имеет конец и начало.
На пороге большого пути
Помни все, что судьба завещала.
Помни радость минувшего дня
Через год, через два, через вечность.
Кто-то пусть, не понявший тебя,
Пожалеет былую беспечность.
Будут встречи и будут потери,
Жизнь диктует законы свои.
Только в главное нужно поверить –
Человек не живет без любви!
Откликайся на боль и на дружбу,
Не спеши мимо искренних глаз.
Знаю – сложно все это, но нужно,
Жизнь дается всего только раз.
И обидно, и горько, и странно
Через несколько весен и лет
Будешь знать, что теперь постоянно
С вами лучшего друга уж нет.
Что когда-то смогли отвернуться
От него в спешке будничных дней,
И отныне уже не вернуться,
Не исправить ошибки своей.
Мы, конечно, не боги, а люди,
От ошибок никто не уйдет,
Но давайте внимательней будем,
К тем, кто верит и любит, и ждет.

* * *

Снова осень слезу уронила
В наш цветущий запущенный сад.
Что-то лето в дороге забыло,
Но уже не вернется назад.
И уже никогда не вернется,
Что сбилось, не сбилось – не взыщи...
В небе ласточка поздняя вьется,
Мне прощальное что-то кричит.
Все прошло, унеслось, улетело –
Знойный полдень, вечерняя тишь...
Что ж ты белое платье надела,
Что с надеждою тайной глядишь?
Осень мокрые листья растреплет
И смешает дождинку с слезой,
И услышишь ты в яростном ветре
Голос нежный, до боли родной.

Только осень утешить сумеет,
Паутиной скользнет по щеке.
И надежда, как парус на рее,
Заалеет опять вдалеке.

* * *

Фантазии детства, реальность судьбы...
Всегда ли они соразмерны бывают?
И все же, по прежнему, в даль ушлывают
Мой парус надежды и отзвук мольбы.
И просьба к грядущей, неведомой дали
Быть доброй и чистой, красивой, – такой,
Чтоб ветры шальные в дорогу позвали
И чтобы оставил нас вечный покой.
Молю, чтоб любовь до последнего вздоха
Была безрассудством и страстью полна
И счастья, хоть самая малая кроха,
Была б нам с тобой как в награду дана.
Чтоб все было вновь – и печаль, и разлука,
А память и верность – два крепких крыла.
И песня любви до последнего звука,
Как в юности, нас за собою звала.

Сергей БЕЛЯЕВ

Песня

Конь гнедой неторопливо
Бьет копытом по порогу,
Растрепал густую гриву,
Так и просится в дорогу.
 Я седлать его не стану,
 Без седла помчусь по полю.
 Я назвал коня Цыганом,
 А цыгане любят волю.
Мне Цыган, хоть и голодный,
Оставляет пищу в блюде.
Кто назвал коня животным?
Кони – это те же люди.
 А когда с зарей вечерней
 Наш с тобой дуэт растает,
 Я скажу, что конь не скачет, –
 Кони над землей летают.
Конь не может жить иначе,
Без поля вольного страдает.
Кто сказал, что конь не плачет?
Кони взаперти рыдают.

Притив:

По коням – в даль стремительно уходим.
По коням – от восторга конь храпит.
Догоним – повод режет мне ладони...
Догоним – пыль летит из под копыт.

Владимир ЯБЛОКОВ

* * *

Где-то еще вьюги и морозы,
Где-то дятел долбит мерзлый сук...
А у нас пускают почки розы
И цветет сережками фундук.
Где-то снег искрится за санями,
Где-то с крыши срывается капель...
А у нас за синими горами –
Черноморской вольницы свирель.
Где-то мчится змейкою поземка
И мерцают зябко огоньки!
А у нас щеглы щебечут звонко,
Прославляя теплые деньки.

Василий КОНЕНКОВ

Первопроходцам «Сургутнефтегаза»

Лишь «мохнатые» звезды глядят с высоты,
А вокруг бездорожье, темнота и кусты...
Как важны они нам, эти вот километры,
Лобовое стекло могут выдавить ветры!
Основное – мотор, опыт ваш и удача,
И тогда по плечу вам любая задача.
Груза нужного ждет буровая как бога,
Пусть удачною будет непростая дорога.
Вот и я насмотрелся в репортажах когда-то,
Как стыкуют трубу молодые ребята,
Насыпают снег в чайник,
 резаком чтобы греть,
Да с такими не страшно и на танки переть.
А когда отдыхаешь с семьею на юге,
Иногда даже снятся бело-синие вьюги
И, наверное, нет северянам предела,
Не привыкли они оставаться без дела!
А как трудно порой нам в работе бывает,
Климат здешний суров, очень многих ломает.
Только все нипочем людям,
 в Север влюбленным,
Потому что идем мы путем проторенным!
Кто до нас здесь прошел, было им тяжелее,
Жаль не счесть всех имен
 в славной той эпохее
Ну, а радость и гордость – это в каждом из нас
С юбилеем тебя, наш «Сургутнефтегаз»!

Наталья ИВАНОВА

Югра

Заплутаю среди диких болот,
Среди дремлющих сосен в тиши,
Как силен твой, Югра, приворот,
Он играет на струнах души.

Мои волосы ветер расплел,
Раскидал по подушке из трав,
Дух лесов меня в дебри завел,
Показав свой изменчивый нрав.
Запущу в космы мха я ладонь,
Ощущая дыханье земли.
И пронзит мое тело огонь
Возрожденной природой любви.
Я бруснику губами сдвлю,
Чтоб испить кровь ягоды спелой.
Каждый вздох твой, земля, я ловлю,
Прижимаясь к тебе неумело.
Обнаженная в речку войду,
И от холода вздрогнув слегка,
Очищенье природой пройду
И взлечу, словно чайка, легка.
Пронесусь над изгибами рек,
Над суровой и властной тайгой.
Я отдам свое сердце навек
Той земле, что зовется Югрой!

Виктор МУРАВЬЕВ

Качалки

Стоят на болоте железные птицы
И тянут железных червей из землицы.
Немного поднимут и снова опустят,
Но хвост червяка ни за что не отпустят.
Башками качают зимою и летом,
Нисколечко не уставая при этом.
Но если вдруг птица клевать перестанет,
К ней гость на железном олене нагрянёт.
Он птицу починит, почистит и смажет
И парочку слов на прощание скажет.
И будет железная птица опять
За хвост червяка из земли вынимать.

Возвращение

Я снова дома. Окончен путь.
Сирень все та же у окошка.
От счастья псу не продохнуть,
Гораздо сдержаннее кошка.
Жена все краше, спору нет,
Заметно дети повзрослели,
И даже пьяница сосед
Не пьет уж скоро две недели.
Привык, но все-таки чудно:
Там снег, а тут весна в разгаре,
А я, как с юга все равно –
Лицо в тропическом загаре.
Приятно дома отдохнуть,
Покушать зелени немного.
А через месяц снова в путь –
На Север в облаках дорoga.

Виктор КОНОНОВ

Песня о нефтяниках

Сибирская осень в наряде цветастом
Над буровыми, как фея, кружит.
Край наш богатый, суровый и властный,
Богатства кладовых открыть не спешит.
Мы бурим, мы бурим, в пласты проникая,
И трубы, и струны звенят на ветру.
Нас жены и матери с вахты встречают,
Когда возвращаемся мы поутру.
Кусты буровых, словно россыпь алмазов,
Сияют огнями, как звезды в ночи.
И слышен натруженный рокот КамАЗов
И песня моторов в таежной глуши.
Работа кипит, ни на миг не стихая,
Ни ночью, ни днем, ни в мороз, ни в жару.
Тут вахту несут, ни на что не взирая,
Мужчины, чья слава звенит на миру.
Плывут над осенней тайгой перезвоны...
Нефтяники! Вахту даешь, не робей!
Вы выдали нефти рекордные тонны –
Домой возвращайтесь, ребята, скорей!

Галина ИЛЬИНА

Северный Сургут

Разных городов на Земле немало:
Манят новизною и к себе зовут;
Но родным и близким все-таки когда-то
Стал душе и сердцу северный Сургут.
Снова возвращаюсь я к тебе, мой город,
Ты за годы эти так похорошел!
Ты меня встречаешь молодым и новым
И в своих объятьях ласково согрел.
Все до боли дорого, знакомо,
Знаю все тропинки: где, куда ведут.
Навсегда остался мне родимым домом,
То в снегу, то знойный, северный Сургут.
А какие встречи мне судьба дарила!
Настоящим людям знают цену тут.
Потому, быть может, память сохранила
Где-то в самом сердце северный Сургут.
Здесь такие стройки люди воздвигают!
Слабый не потянет, да и климат крут.
Будь же счастлив, город, созданный руками,
Мой прекрасный, юный северный Сургут!
Снова возвращаюсь.

Здравствуй, милый город,
Как же друг без друга жили мы с тобой?!
По тебе скучаю, сиניшься мне ночами...
Здравствуй, милый город,
здравствуй, мой родной!

Евгения ИЗЮМОВА
ОАО «Волтайр-Пром»

Ведьма

Р а с с к а з

Тихий вечер. Васильевы, возвращаясь с работы, шли неторопко, разговаривали о погоде, на редкость жаркой, недождливой, а потому, мол, и мало грибов... Зато сколько малины уродилось, вот приедет дочь в отпуск, то-то порадуется свежему варенью!

Вдруг из-под ног Николая Константиновича кто-то шмыгнул в сторону:

– Поля, смотри, котенок!

Шагах в двух на пеньке, съездившись, сидел тощенький черный котенок. Смотрел-посверкивал настороженно-круглыми зрачками в ярко-зеленой тоненькой каемке, но смотрел без страха, с любопытством.

– Одичалый, наверное, убежал из поселка да заблудился, – предположила Павла Федоровна. – Давай домой его возьмем? Аннушка приедет, подарок ей будет.

Котенок не убежал, позволил посадить себя в кепку. Три дня жил у Васильевых, все осмотрел и обнюхал и за чрезмерное любопытство получил имя – Варвара. А на четвертый день Варька исчезла. Но месяца через два, вернувшись с работы, супруги увидели беглянку на крыльце своего дома.

– Поля, да никак наша Варька вернулась! – обрадовался Николай Константинович. – Варенька, голубушка, вернулась, подросла-то как. – И погладил кошку ласково.

Варька недовольно покосилась, а второй раз погладить себя не позволила: выгнулась дугой, хвост выкинула столбом, в темных глазах засверкала ярость.

– Да ну тебя, дикарка ты этакая, – отскочил от кошки Васильев.

Так и стали жить втроем.

Кошка очень привязалась к Павле Федоровне, повсюду сопровождала ее. Вечерами любила сидеть на плече у Николая Константиновича, когда он выходил курить на крыльцо, но гладить себя почти не позволяла. Кое-как терпела прикосновение, и Васильев часто спасался бегством в другую комнату. Кошка в бешенстве округляла глаза, отчего зеленая радужка становилась не толще ниточки, выгибала спину со вздыбленной шерстью и начинала медленно наступать на Николая Константиновича. Правда, ни разу не накинулась на хозяина, не вцепилась в руку. Чужие и вовсе не смели ее приласкать. Одним словом, сурового нрава была Варвара...

Не терпела она собак, всегда первой при встрече с ними бросалась в драку, и вскоре они стали обходить черную кошку стороной. Но однажды забрел к ним соседский пес, здоровый и лохматый, очень добродушный, приятель Николая Константиновича. Васильевы были в доме, когда услышали дикий вой во дворе. Выскочили на крыльцо и увидели, как пес головой застрял в щели между стеной дома и поленицей дров, а Варька, сидя верхом, ожесточенно рвала когтями его спину. С трудом Васильевы отогнали от собаки разъяренную кошку. Тогда в поселке и прозвали ее ведьмой.

А однажды случай похуже был...

Пошла Павла Федоровна в магазин, а Варька увязалась следом. Закупила хозяйка все, что требовалось, собралась выходить из магазина, а тут соседская девочка прибежала:

– Ой, тетя Поля, там Варька ваша...

Павла Федоровна поспешно вышла на крыльцо. У колодца мыл прямо в ведре окровавленную руку какой-то подвыпивший лесоруб и ругался так, как могут ругаться в тайге только лесорубы. А вокруг стояли, посмеиваясь, зеваки.

– Сволота!.. – орал на всю улицу парень. – Убью!

– Тетя Поля, – зашептала девочка, – он сам виноват. Начал в нее камешками кидаться да щепками... Варька-то как пойдет на него, боком, боком, взъерошилась, да как пры-ы-гнет! Прямо в руку ему вцепилась!

Виновница скандала преспокойно сидела около магазина и, казалось, равнодушно наблюдала за людьми, но кончик хвоста нервно подрагивал, а уши беспокойно прыдали: кошка была готова к отпору.

– Варька, – тихо позвала ее Павла Федоровна и быстро пошла прочь.

Кошка мягко спрыгнула с заборчика, лениво потрусила за хозяйкой, и кто-то сказал им вслед:

– Ну и кошка, чистая пантера.

– Ведьма это, а не пантера! – ответили ему.

Через три года после того случая Васильевых перевели на работу в другой леспромхоз, в поселок Пнево.

За сборами и хлопотами минул целый день. Все уложено, увязано, приготовлено к дальней дороге, а по двору ходил, позванивая ключами, новый хозяин. Оставалось определить только Варьку в хорошие руки: дорога дальняя, с кошкой в путь отправляться, решила Павла Федоровна, только мучить ее. И тут соседка-старушка, Макарьевна, пришла. Варька часто навещала ее в гости за молоком: придет к самой дойке, сядет на пороге, и пока не дадут парного молочка, не уйдет. Но молоко, можно сказать, Варька получала свое, заработанное: всех мышей и крыс на соседском подворье переловила. Макарьевна попросила отдать Варьку ей. А Васильев расшумелся: ни за что, мол, кошку не отдам, такой кошки не то, что во всем Сеинкуле нет, во всей Тюменской области не найдешь, даже по всей тайге.

– В общем, не отдам, и точка! – заключил, в конце концов, свою речь Николай Константинович.

Утром следующего дня пришла машина. Вещи погрузили, накрыли брезентом на случай дождя.

Немного навеселе Васильев обнимался с Поликарпычем, стариком-соседом, вспоминал, как рыбачили, как на охоту ходили – все же десять лет прожили рядом, дружили семьями. Поликарпыч прослезился даже. А шофер, посмеиваясь, не торопил дружков, дескать, пусть прощаются.

Макарьевна опять подступила к Павле Федоровне:

– Любая Хведоровна, отдайте кошку-то!

– И, правда, дорога дальняя, – решила Павла Федоровна. – Бери скорее! – И заторопила шофера, задергала мужа, усадила его, наконец, в кабину, чтоб он не воспротивился.

Мощный «Урал» зарокотал мотором. Окинула Павла Федоровна грустным взглядом последний раз поселок, где прожила не один десяток лет, и они поехали...

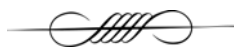
– Ой, погоди, Хведоровна! Постой минутку! – Это кричала Макарьевна. Задыхаясь от спешки, она протянула Павле Федоровне узелок. – На-ко, Хведоровна, возьми десяток яичек, сгодятся в дороге...

– Да зачем, бабушка, зачем?!

– Да бают, купленная-то кошка лучше к дому привыкат... Больно хороша у вас Варька-то, – говорила она, стараясь восстановить дыхание. – Умница... Возьми...

Через некоторое время, когда Васильевы обжились на новом месте, пришло письмо от Макарьевны. Старушка писала, что Варька долго скучала, ходила к прежнему дому, искала хозяев. А потом исчезла. То ли в лес ушла, то ли убил кто...

Прочитав письмо, Полина Федоровна ощутила тягостное чувство: стало нехорошо на душе, словно она предала кого-то...

Писатели России

Виктор ЛИХОНОСОВ

Стопа Апостола

... Никто не может показать, по какой торной тропе шел Апостол Андрей Первозванный две тысячи лет тому назад, но будет точно известно во веки веков, что 18 июля 2006 года через Пересыпь провезли в Тамань его святые мощи – стопу его (левую). Второй раз коснулся он пяди Тмутараканской. Да будем верить, что было это так, что небо и вода видели его двадцать веков назад, травы и птицы слышали его голос и те же звезды светили ему ночью. Неужели все кругом было таким же? По тем же просторам блестя воды, так же плоско снижалась гора Бориса и Глеба под Ахтанизовской. В Сенной с Таманского залива так же дуло запахом камки и так же мелькали чайки в проливе?

Все покоилось в том же молчании, что и нынче на заре, когда еще ни одна машина не поспешила в город и порт Кавказ и ни одна железная птица не просквозила в небе.

Но где же, по какой стороне он шел, от какого берега отплывал в лодке? Какая звезда помнит и нам не скажет?

Две тысячи лет росли и увядали травы; святые следы засыпаны пылью, песками.

Две тысячи лет нету и тех, кто созерцал и слушал Апостола.

И вот в убогом сиротстве провезли в полдень 18 июля 2006 года частицу святого праха, косточку нетленной стопы, и по всему пути в то мгновение никто на пересечении не знал этого. И не замер в молитве, не перекрестился. День был светлый, благодатный. Какая-то веками не дремлющая пядь, какая-то священно-зеленая травинка или смоковница преданий не должны истлеть. Иначе что тогда божеская вечность всего земного? Может, гора Бориса и Глеба, когда ковчежец проследовал поодаль за Пересыпью, как-то перекликнулась с затаенным чудом; может, птичка какая спугнулась и полетела вслед; может, скатился в лиман одинокий камушек? Что в кроткой тайне уцелело через века и отозвалось нынче состраданием, не раскроется, наверно, и преподобным старцам.

Не шел я из Сенной в Тамань, как сорок лет назад, а уютно выехал из Пересыпи за час до того, как мощи отпели напоследок в Темрюкском храме и ковчежец занесли в автобус. Какой спустился день! Пухлые облака над Азовским морем (Меотидой когда-то), над Таманским заливом в Сенной стерегли с высоты присмирившую тишину. Вот в таком же благословении сменялись какие-то летние дни неизвестных веков: может, в оный подобный день и, может, где-то поблизости ступал Апостол. Святые отцы, скажите, за что так бывают наказаны самые чистые, самые праведные? Зачем прибрана небом дочь писателя неделю назад на сибирском аэродроме? За что такое наказание и ей, и ее светлому отцу?

«Любит Господь кротких, смиренных, ибо Сам кроток и смирен сердцем...» (о. Варсонофий Оптинский).

И забирает кротких и чистых к Себе.

Но как горько отдавать Господу близких...

В Тамани возле больницы уже поджидали шествие из Темрюка.

Но людей было мало.

Все 18 июля 2006 года останется в Тамани для верующих душ светлым днем.

Так и запомнится ветру, чуть веявшему над головами женщин в пестрых платках, кладбищенским крестам над костями первых запорожцев, над утерянной могилой Ульяны Головатой в подворье Покровской церкви, Сухому озеру с навсегда забытыми тайнами его, двугорбой Лысой горе, мысу Панагия и Бычьму броду (косе Тузле), куда тотчас повезут ковчежец: воззрили на стопу Апостола и приложились к ней самые доверчивые, самые кроткие. Опять, как и в ту ветхозаветную старину, многие в Тамани без страха противились святости, потому что давно открестились от веры. А кто «от самых пелен Богу освятися и от млада церкви вельми предстояще», и в первый день, и на другой следовал за ковчежцем и на Тузлу, и на мыс Панагию, и в Покровскую церковь.

– Из десяти тысяч таманцев сколько пришло? Сто душ? Чуть более?

«Да не видят очами и не разумеют сердцем».

Не показались из Темрюка властолюбцы, учителя, вороватые богачи, всякие пишущие фарисеи. Бабушки и мамы не привели детей. Крохотной оказалась Святая Русь.

– Зато в августе на день Таманской лозы, на этом дешевом шоу процветания в разоренном гнезде, столпятся тузы всякие, люд будет шастать туда-сюда, костерки шашлычные задымят, вино заблестит в бутылках. И детей сведут, а к мощам каким-то чего водить? Скучно.

«Пустынные Скифии не убоаяся, во глубину полунощныя страны простерл еси апостольское странствие твое, Первозванне...»

– Левую стопу его принесли в Россию с Афона еще при последнем царе, – тихо говорит женщина в белой кофточке, покидая ворота церкви. С нею рядом идет отроковица (сказали бы раньше). Правая стопа там же, на Афоне, в Пантелеймоновом монастыре... Нам не дойти.

– Я не могла заснуть... – рассказывала та же женщина через неделю в Керчи, когда она добралась к родной сестре окольным путем, через Сенную, по косе Чушка, к порту Кавказ, потом на пароме до автобуса. – Думала – ведь такой ночи больше не будет... мощи ночуют в Тамани... Вот я лежу, а они там, в храме... И не спится мне, я потихоньку молилась опять и думаю: «А мощи там, это же чудо».

– Ты, наверное, одна такая и была?

– А кто признается. То ж святые тайны, нечего болтать... Молись, проси прощения. И я вышла во двор: а ночь вся в звездах... и, кажется, такого молчания в станице не было никогда... И я долго стояла, молилась...

Сокровенно молчали в ту ночь все старинные уцелевшие таманские уголки, и склоны Лысой горы, и остатки Сенявиной балки, и рвы Сухого озера, и турецкие (хотя греческие) колодцы...

Счастливым был тот, кто во глубине ночи шел под луной по станице или далеко на окраине... Но он, если был неверующим, не знал этого; не чувствовал, своего святого мгновения на земле...

24 июля 2006

(Явление иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани, 1579 г.)

Виктор ПОТАНИН

Ушел и не вернулся

Р а с с к а з

Он был такой бедный, что не имел даже часов. Но это его не смущало. Иногда он обращался прямо к прохожим:

– Миленькие, который час на ваших швейцарских? Сто раз извините... – и на лице слабая погибающая улыбка, и голосок западает. Можно подумать, что человек клянчит деньги. Но порой в нем что-то просыпалось, бурлило, и голосок сразу наливался и летел над толпой. Зато слова... Ах, эти слова! Они были смешные, пустячные и сыпались, как горох из мешка. Так обычно кричит рыжий клоун где-нибудь на арене, но этот занимался серьезным делом – он продавал газеты. И хорошо продавал, возле него всегда собирались люди. Одни выбирали газеты, другие смотрели прямо ему в рот, который ни на секунду не закрывался:

– Моя бабка, когда помирала, то завещала – бери, Мишенька, двадцать тысяч! Пять – себе, пять – жене, остальное – раздай по людям... А ну, миленькие, подходите поближе, не бойтесь, в кошельках подолгу не ройтесь, ха-ха. Но это совсем не смешно. Демократы хотят продать Курилы японцам! Прочитай на второй полосе и передай другому...

Именно о японцах он кричал, когда я впервые его увидел. Я подошел поближе, и он заметил:

– Эй ты, соловей, подходи, не робей!

Видно, за соловья он принял меня, но вот уже закричал о другом:

Кто побывал на Луне,
Получай вдвойне,
А кто не хочет вдвойне,
Тому фигу – втройне...

Он поднял высоко левую руку, между пальцев трепыхались газеты. А он продолжал шуметь:

– Всем готовить по трешке, а лунатикам даром, ха-ха... Чего медлишь, товарищ лунатик? – Он кого-то задел за плечо, другому уперся ладонью в грудь, но на него не сердились. Может, принимали за дурачка. И на следующий день все повторилось. Быстрыми коротенькими шажками он летал между торговых рядов. Увидев меня, схватил резко за локоть:

– Не желаем? Всего три рубля... Кстати, это новая газетка «Четвертая полоса!» Анекдоты, гороскопы, ну и, конечно, про секс. Да, да, миленькие, и про это... – Он доверительно захихикал, но я его перебил:

– А вот про это – избавьте, – но газету все же купил. И совсем близко увидел его лицо: щеки были впалые, в желтых оспинках, а на губах какая-то мучнистая сыпь. Наверное, от простуды, а может, и от больного желудка. Под моим взглядом он начал нервничать, но не уходил. И я тоже стоял как вкопанный, и он опять предложил:

– У меня есть даже «Правда», да-да! – Он испытующе посмотрел в мою сторону. Глаза у него были цепкие, без ресниц, а веки покраснели и сильно подпухли. – Ну, как, выбрали? – Он пододвинулся ко мне совсем близко и заговорил доверительно: – Я продаю только то, что в рамках... Да, в рамках моих убеждений. – Он многозначительно замолчал и пожевал губами, точно во рту была карамелька. Потом подергал плечом, наверное, замерз. Конечно, замерз, ведь пиджачишко болтался на нем старенький, обтрепанный, видно, с чужого плеча. А на ногах... лучше бы я не видел, что у него на ногах. Он был обут в какие-то рваные затасканные ботинки. Чтоб они не распались, он их задвинул в калоши. И все это стянул веревочками – какая тоска! А ведь на улице уже октябрь, и ско-

ро холода. Как он их переживет, как перезимует в своих калошиках? Едва ли переживет... А он продолжал зазывать народ: – Кому надо – налетай, что угодно – выбирай...

И люди сбегались на этот голосок, и потому торговля шла бойко. Я снова что-то купил. Он торжественно отсчитал мне сдачу. Причем каждую монетку вертел так и сяк и цокал языком. Я даже восхитился:

– Редкий вы человек!

Мои слова ему не понравились, глаза сердито блеснули:

– Я не человек, я Михаил Иванович Дрозд, – и вдруг улыбка на все лицо. – Вот так, миленький! Вы про такое не слышали, а? Птичка певчая – дрозд, становись в очередь, в хвост, ха-ха. Жила курица да два петуха! – одна рука у него поднялась над головой. Там, в ладони, трепыхались газеты.

Но иногда он настраивался на серьезный лад. Однажды я услышал, как он загадывал загадки и задавал вопросы. И делал это основательно, как школьный учитель. Возле него, как всегда, собралась толпа. Над ней витал его звонкий напористый голосок. И потому я разбирал каждое слово. А начал он, мне показалось, издадала:

– В чем отличка коровы от лошади?.. – возникла пауза. И он обрадовался, заблестели глаза.

– Аха-а-а, попались. Выходит, в школе не проходили, – щеки у него задергались, он еле сдерживал смех. И тут я его осадил:

– А чем отличается небо от земли?

После моего вопроса он слегка смутился, затем снова пошел в атаку:

– Значит, не знаете, ха-ха. Вот какая чепуха. Тогда получайте двойку в классном журнале.

И тут кто-то выкрикнул из толпы:

– А сам-то хоть знаешь?

– Не только знаю, но поясняю... – Он медленно, со значеньем подвигал подбородком. – Корова, миленькие мои, корм достает языком, а лошадь зубами. Они у нее, как зубило, да. Так что запишем на лбу – зу-ба-ми. – Он тяжело вздохнул и покачал головой. Его что-то угнетало. Может, болезнь. А может, какие-то злые мысли томили и потихоньку подмывали берега. Кто знает... Ведь каждый из нас – за семью замками. Наконец он встряхнулся, пришел в себя. И сразу же посмотрел внимательно в мою сторону, точно увидел впервые.

– Значит, выяснили – буренка за траву хватается языком, а лошадь – зубами. А если снег выпал, то как?.. А если оттепель, а к утру мороз? Это же наледь сразу, короста. И выходит как у нашей буренки, амба. Зато лошадка на высоте... – Он замолчал и медленно, со значеньем, огляделся. Он точно бы проверял – то ли слушают, то ли уже разошлись. Но толпа все росла и росла. И тогда он заговорил громко, как на трибуне:

– На высоте наша лошадка, ей орден надо. Она сдернет наледь зубами и достанет траву. А раз достанет – значит, сыта. А вывод какой – подскази? – Он опять смотрел на меня. Шейка вытянулась и замерла. Худая вся, вот-вот оборвется. Такая же шейка бывает у годовалого петушка.

– Какой же вывод наметим, а?.. Если не знаете, то отвечаю. А вывод, миленькие, один. Надо нам всем походить на лошадь. Да-да, на лошадь! И тогда демократам обломится. Соберем их в мешок и на Курилы...

– А почему на Курилы? – спросил кто-то тихо, не спросил даже – выдохнул, но он услышал. И почему-то обиделся.

– Больше не принимаю вопросов. А то – нате вам. Что, где да почему... Нету на вас управы.

– Про какую ты гонишь управу? Или Сталина захотел? – этот вопрос бросил маленький чернявенький мужичонка. Рот его блестел золотом, а над губой поднялись усы. Таких усов сейчас вокруг миллион, и принадлежат они ловким людям. Таких ничем не собьешь, сами, мол, с усами. Вот и сейчас мужичонка полез напролом. И голосок злой и нахальный:

– Ну что, реможник, про Сталина не пролезло! – Он победно повел глазами, наверно, дожидаясь ответа. И дождался:

– А ты Сталина по пустякам не цепляй. Ладонью солнышка не закроешь...

– Ух ты! – восхитились усы.

– А ты не ухай, мы не в лесу. Великий вождь понимал народ с полуслова. И постоянно снижал цены, да, снижал. И довел их почти до нуля. Хлеб-то ведь ничего не стоил, то-варищи. И молочко – ничего. А теперь... – Он сделал паузу. Шейка вытянулась еще больше, веки дрожали. – А теперь оставили нас без штанов.

Все молчали, только усатенький не сдавался:

– Дери горло, кума. Видно, лагерей захотел.

– Я-то не захотел. А вы уж с Чубайсом построили. Теперь ведь больше мрут, чем в твоих лагерях. А кто остался живой – у тех все украли. Бандитизм ведь форменный, разве не так? – шейка нехорошо дернулась и опустилась в воротник. Все замолчали, а он стал доставать из сумки газету. Доставал очень медленно, потом не торопясь развернул: – Слушайте и запоминайте заголовок: «Истребление стариков». Это про нас с вами, товарищи! Про нас, милые вы мои. И еще – про пенсионеров, да. В день выдачи пенсии их навещает шпана и сгребают все денежки. А кто не отдаст, тому шило в бок.

– Правильно, а то ишь, долгожители! – загоготал усатенький. – Надо как? Пожил маленько – уступи место другому...

Его перебили. И сразу несколько голосов:

– Поди хватит, науступались.

– Развели, понимаешь, свободу. Депутатов этих, как комарья на болоте.

– А цены-то, цены-то...

И в этот миг опять ожил усатенький. Его голос звучал как приказ:

– Ты, реможник, давай людей не травмируй! Собирай-ко газетки и вали.

– Но почему?

– Да потому! Еще одно слово – и заберут в отделение. А для начала побьют...

– А я никого не боюсь. Запомни, миленький, ни-ко-го! На мне Божий крест и православна молитва. Так что – выкуси! – О показал фигу и храбро пошел на усатого. И толпа поддержала:

– Давай, давай, сбрей ему усики! Он же мент... переодетый мент...

Но шум оказался напрасным – усатый уже скрылся за ближним киоском. Только что выступал, горячился – и вот уж исчез, как человек-невидимка. А я озирался по сторонам и ждал какого-то продолжения. Но народ уже стал расходиться. Представление, видно, закончилось, пора и домой. Я тоже повернул в домашнюю сторону.

А через неделю пришла настоящая осень. Посерело небо, и подули холодные ветра, а над городом полетели южные птицы. От их криков замирало дыхание, и тоже хотелось куда-нибудь убежать, улететь... Куда-нибудь подальше от этих серых домов, от этих постылых улиц и переулков, от этой тоски. Но куда уедешь, ведь никто не зовет, – и потому еще сильнее болела душа... А потом ударили холода. В те дни и появилось на моем знакомом коричневое пальтишко, а на ногах старые валенки все в тех же калошиках. А поверх калош – опять те же веревочки.

При первой же встрече я спросил:

– Оно ведь не греет? – Я приподнял у пальтишка полу.

– Правильно. Лопотина моя на рыбьем меху. – Он весело подмигнул и заговорил о другом:

– Жириновский-то, а? Совсем охамел... – и он забормотал что-то громко и возбужденно, но я перебил:

– Может, сменим пластинку?

– Давно пора, – это меня поддержала одна молоденькая бабенка в норковой шубке и в таком же беретике. Голосок у ней был певучий, протяжный, и этот голосок не стихал:

– Завернул бы, гражданин, в ларек да купил бы чекушечку. Маленько бы погрелся, папаня... А то бы к хозяйке слинял, чего уж... – пел голосок, – она бы подолом укрывла да пожалела.

– Нет у меня хозяйки, нет, нет и нет... – Он резко приподнял голову и замолчал. Я заметил – у него дрожит подбородок, а щеки налились краснотой.

– Год назад схоронил я свою хозяйку. Год назад...

– Ну а дочь, поди, есть? К ней и мотай... – наступал голосок: – От чаю, поди, не откажет, а может, и борщик плеснет.

– Это точно. Дочка есть у меня, точней не бывает. Только у ней свой ненаглядный – дорогой мой зятек. Он в упор глядит и не видит. Такие у него глаза.

– Тогда почему дорогой? – кто-то спросил и весело захихикал. Этот смешок ему не понравился.

– Кому смешно – покупай у меня анекдоты, – голосок у него снова окреп, зазвенел: – Покупаем оптом и в розницу! Дружно все покупаем! В руках у меня газета «Четвертая полоса». Анекдоты, гороскопы, предсказания о судьбе. – Вдруг он сорвал с себя шарфик и взмахнул им, как флажком:

– В демократию, значит, поверили, господа? В демократию, значит? Не вы первые, умники вы мои! Помните, как новгородцы шумели, махались. А потом пустили чашку по кругу и пропили свое вече, и уплыла демократия. Видно, хороша была медовуха. – Он обвел всех глазами, а толпа все прибывала и прибывала. И представление продолжалось. Теперь лицо его повеселело, блестели глаза: – Но копнем еще глубже, на дно колодца посмотрим. А там – кто? Не знаете, значит, я скажу. А там – афиняне, а поближе к нам – древний Рим. Слышали про такое?

– Слышали, дорогой! Не отвлекайся...

– А вы не перебивайте, я не какой-нибудь Ванька. И потому замечу – веселый жил в том Риме народец. Все время хлеба и зрелищ просил, надрывался. А когда не давали – шел напролом. Вот и вся свобода, ха-ха...

– А ты, видать, грамотный. Вот ведь, не подумаешь! – удивилась женщина в норковой шубке. Она все еще была рядом. И теперь он смотрел только на нее и только для нее говорил:

– Ладно, хватит. Обратимся к текущим делам. В Донбассе шахту завалило, золотые мои, бриллиантовые, а в Хохляндии министры воруют. Читайте на первой полосе «На краю бездны». Дожили, значит, и еще до чего доживем. Украина – земной рай была, а теперь – на краю бездны... Как это? Объясните мне, дураку. – Он запахнулся шарфиком и стал кому-то отсчитывать сдачу. И в этот миг сзади нас зашумели цыгане. К ним привязалась милиция, скоро крики слились в общий вой, и я пошел к выходу.

Через день я опять был на рынке. И сразу же увидел его. Рядом с ним сидела собачка. Вот те раз! Я остановился как вкопанный. Какие перемены! Даже с лицом у него что-то случилось. Оно помолодело и посвежело, куда-то делись морщины. Я смотрел и не верил, но потом догадался, – день-то был пасмурный, и потому изменились все краски. Он увидел меня и приподнял шапчонку:

– Привет от Михаила Ивановича!

– Добрый день, Миша!

Лицо у него вспыхнуло, глаза заблестели;

– Как ты меня назвал? А ну повтори? – и, не дожидаясь ответа, забормотал: – Миша, да? Миша... А ведь хорошо! Так меня и зови. Ай да Миша-медведь, научи меня дудеть... – Он погладил по спинке собачку, и та заскулила. Шерсть у ней была белая, чуть срыжа, как у белочки. И сама она тоже походила на белочку: такая же узкая мордочка, а глаза – круглые бусинки. Эти глаза жадно наблюдали за хозяином. А тот не спешил. Я видел, как Миша неторопливо доставал из сумки газеты, вначале их зачем-то пересчитывал, за-

тем подносил прямо к носу собачки. Она их обнюхивала и брала осторожно в зубы. И в этот миг он приказывал:

– А ну, трехшерстная моя, ненаглядная!..

Собачка замирала, а он продолжал:

– У нас, Белочка, всего три газетки. Заруби, милая, ровно три... – Затем он отнимал у собаки газеты и поднимал их над головой. – Сколько у нас теперь газеток?

Собачка лаяла три раза, и он приходил в восторг. Я еще не видел его таким счастливым. Глаза сияли, точно он выпил вина. А люди смеялись, особенно дети. И, конечно, сразу же раскупали газеты. Появлялась даже маленькая очередь, в которой большинство было детей. Я тоже подошел и купил газету «Четвертая полоса».

А потом... что потом. Да ничего особенного. Над нашим городком закружились метели, повалили снега, а после них грянул мороз. Я стал редко ходить на рынок и о Мише даже стал забывать. Правда, однажды он мне почему-то приснился. Будто бы шел он со своей сумочкой по какому-то длинному пустынному полю. Вначале шел, а потом побежал. И собачка за ним. Бежит следом, а сама вся чудесная, как картинка из букваря. Я слежу за ней, нервничаю: белое постоянно сливается с белым, и только черные ушки не скроешь. Но вот перед ними – огромный сугроб-небоскреб. Они падают в него, исчезают – и сразу тишина, какая-то огромная, печальная тишина, какая бывает только во сне. А потом означилось небо, да такое зеленое, изумрудное, что я выкрикнул от удивления – и сразу проснулся. А в голове – тоска, неизбывная злая тоска. Она и днем не прошла, и к вечеру, а к ночи опять разгулялась метель. Теперь уж хоть умирай.

Со мной так часто бывает, а в последние годы особенно. Эта тоска перешибает меня надвое, а иногда растягивает в струнку, в полосочку – и тогда хоть не живи. Но жить-то надо, как же не жить... И потому снова бежишь по каким-то делам, отвлекаешься, и постепенно стихает боль. Вот и тогда я собрался на рынок. И сразу же, у главного входа, я встретился с Мишей. Рядом с ним крутилась веселая Белочка. Глазки так и рыскают по сторонам. А день был темный, с рассеянным светом, и потому собачка светилась, как фонарик. Мне захотелось ее погладить, дотронуться, но я отвлекся на Мишу.

– Спляшем, миленькие, погреемся! Жаль, баяниста нет, а то бы цыганочку. – Он затопал еще сильнее, в толпе захихикали. Да и как это вынести, если полы у пальтишка приподнимались, летали, и он стал похож на петушка. Еще миг – и закукарекает. Нет, это не вынести, и я предложил:

– Давай кончай свои танцы! Я приглашаю к себе. – Последние слова вылетели у меня как-то случайно. Видно, душа не вытерпела, – ведь человек же он, а мы потешаемся. И я опять повторил:

– В гости зову... Тебя, Миша, тебя.

– Как это? – Он удивленно вскинул голову, глаза округлились и застыли в вопросе.

– Домой приглашаю, разве нельзя?.. У меня жена на работе, так что прошу без стеснения. Чайку попьем, обогреемся...

– Ладно, ладно, все вопросы снимаю. – Он закивал головой, принимая приглашение.

И вот уже через десять минут мы заходим в подъезд. Я слышу сзади его прерывистое дыхание. Иногда он останавливается и подолгу упрасивает собачку. Видимо, она боится чужой обстановки. Наконец, мы забрались. Я открываю дверь, а Миша сзади бормочет:

– Где мои семнадцать лет? Барабанит сердчишко прямо по ребрам. А долго ли шли...

Я пытаюсь Мишу утешить:

– Терпи, казак, атаманом будешь.

– Буду, буду, когда понесут вперед ногами. – Он громко вздыхает, и мы заходим в коридорчик. Я тянусь к выключателю, и свет резко вспыхивает и бьет по глазам. Мой гость тяжело дышит и пытается что-то сказать. Голос тихий, я еле различаю слова:

– Дожил, как говорится – не вздохнуть, не охнуть. А что удивляться – в прошлом году был инфаркт.

– Настоящий?

– У меня, родной, все настоящее, без обману... – Он беззащитно, совсем по-детски, улыбнулся. Месяца через три эта улыбочка будет вспоминаться мне улыбкой святого. А сейчас она мелькнула, как лучик, погасла – и вот уж нет ничего, только рядом его тяжелое больное дыхание. Я поставил гостю стул, и он опустился на него почему-то с опаской. Мы немного помолчали. Я видел, что Миша начал оттаивать после холода, приходит в себя: щеки слегка покраснели, а подбородок успокоился и перестал дрожать. В квартире у меня стояло благодатное тепло, батареи так и пылали. Такая радость бывает нечасто. К чему бы это? Наверно, в город пожаловало какое-то столичное начальство, вот и устроили показуху. Я снял пиджак, остался в одной рубашке. Мише снимать было нечего: на нем болтался только грязный поношенный свитерок, под которым едва ли было белье. А собачка меня удивила. Она нашла возле порога резиновый коврик, растянулась на нем и мгновенно заснула. А может быть, притворялась, что спит. Миша наклонился над ней и поскреб за ушами:

– Мы тут, Белка, недолго. Отдохнем чуток и домой.

Собачка в ответ заскулила и завиляла хвостом. А я в это время занялся чаем. В заварку бросил веточку мяты, и сразу же поднялся чудесный запах. Миша заводил носом и пододвинул стул поближе к столу. Я разлил по стаканам чай и достал из холодильника бутылку водки. У меня были маленькие рюмочки, и я наполнил их до краев. Одну из них поставил перед гостем. Он взял рюмочку осторожно, двумя пальцами и стал внимательно разглядывать на свет. Так знатоки рассматривают золотое колечко, соображая, какая там проба. И вот рюмка отставлена. Но почему? И не дожидаясь моих вопросов, Миша все объяснил:

– Завязал, миленький, завязал. К тому же желудочник, да... Кишка лезет на кишку, и никакого порядка... – Он сдохотнул и опустил глаза. Но я не отступал:

– Здесь двадцать грамм – птичья доза...

– Ладненько, – согласился гость и залпом выпил. И сразу в щеки бросилась кровь. Боже мой! Точно щеки обожгло каким-то огнем. Но это продолжалось недолго – краснота сменилась бледностью, затем снова прилила кровь. Я молча смотрел за этими превращениями, а сам все больше и больше его жалел. Но как помочь, как? Ведь за плечами у него, наверное, горькая и страшная жизнь. И потому я молчал, и мой гость молчал, зато беспрерывно двигалось, переливалось его лицо. В нем что-то дрожало и угасало, затем опять напрягалось – такое часто бывает у нервных людей. Я снова наполнил рюмки, и он улыбнулся. Теперь наконец-то я рассмотрел его глаза. У них был синий-синий, почти что небесный цвет. И в этом синем означились кровяные жилки – видно, ранний склероз.

– Михаил Иванович, почему замолчал?

Он скрипнул стулом и недовольно прищурился.

– Нехорошо. Не по душе...

– Что случилось? – в моем голосе был, наверно, испуг.

– А то, миленький, что не люблю я этих отчеств, нет, не люблю. Уж лучше Мишей зови, лучше так.

– Договорились... – Я рассмеялся и шутливо пожал ему руку. – А теперь, Миша, рассказывай. Где жена, где детки? Мне интересно...

– Это длинный разговор. – Он тяжело вздохнул и почему-то отодвинул от себя рюмку. – Моя хозяйка, Валюша, умерла в прошлом году. Вам это надо? Рассказывать?..

– Конечно, Миша, я жду.

– Раз ждешь, то дождешься... Так вот, миленький, Валюша место освободила, и в квартиру нашу заехала дочка с мужем. А свою гостинку они продали и положили денежки в банк. Им, видишь ли, понадобилась машина. На нее и скребутся... – Он улыбнулся,

и улыбочка вышла та самая, погибающая, после которой хочется пожалеть человека. И я его пожалел:

– Дочь-то, поди, дорожит вами, поди, кормит только блинчиками?

– Хороши блинчики. Гонит в три шеи. А зятек даже пообещался убить. Ну я и ушел от них. Теперь сплю, где попало. Частенько и на вокзале. А иногда у брата. У Петрухи – однокомнатная в третьем микрорайоне. Пока пускает, хоть и сильно болеет. И эта вот собачка – его. Но ко мне привязалась, дуреха. – Он оглянулся, проверил, видно, собачку. Та лежала без звука. А я полез опять с разговорами:

– Пенсия-то у вас большая?

– Кого там! – Он засмеялся. – Мне до этой пенсии еще три годика. Ровно три. Можно сто раз в Могилевское. Да ничего. Работать вот негде. На заводе меня сократили, какие нынче заводы. Так что выручают только газетки. – Он похлопал по своей сумке и подмигнул. И в этот миг я опять пододвинул ему рюмку, но он сделал вид, что не заметил.

– Выручают они, сердечные. За день сбегается у меня рублей сто. Я половину по накладной отчитываюсь, тридцатку за место. Ну а остальные – в карман. Так что на хлеб хватает. И еще Белочке на сардельку, да. – Он опять рассмеялся, но быстро подавил смех. Лицо потемнело. Может быть, что-то вспомнилось. Так и есть. – Давай не будем про деньги. Что в них? Только бумажки... У меня дела теперь поважнее. У меня, миленький, теперь время прощания.

– Как это?! – вырвалось у меня.

Он сморщил лоб и не сразу ответил. Потом посмотрел мне прямо в глаза и покачал головой.

– Вот-вот – время прощаний, чего уж... Вначале, значит, жена померла, родная моя Валюша. Потом дружка схоронил, самого дорогого дружка... Женей звали, Евгений Васильевич... – Он замолчал и оглядел внимательно комнату. – Бедновато живут тут хозяева... Но ничего. Вот и Женя мой ничего не нажил, только книжки читал. От них, видно, и повело мозги...

– Почему?

– Что почему? Ведь в загробную жизнь поверил, все религии признавал. – Миша мечтательно улыбнулся, сверкнули глаза. – Хорошо бы в бога поверить, тогда и жизнь не страшна. Не опасна бы, совсем не опасна... Вот мой кореш поверил, сподобился, да только бог у Женки был без лица, без рук и без ног. Не бог, а как бы передвижение воздуха, ветерок. – Он поправил ворот у свитера и снова встретился с моими глазами. Так мы смотрели друг на друга, пока он не засмеялся. Но смех был недолгий: – Вижу, надоели мы этому дому, пойдем, Белка, к другому. – Он оглянулся на собаку, но та не отозвалась. И тогда он сказал чуть слышно, даже и не сказал – пошевелил легонько губами, но я различил слова:

– А я верю такому богу... – и чуть помолчав, добавил решительно: – Верю и признаю.

Он опять рассмеялся, и смех какой-то тихий, придавленный. И голос такой же тихий:

– Порой ветерок прижмется к щекам, и так легко сразу, легко. Хочется разбежаться и полететь, да-да... У вас бывало такое?

– Все бывало, живу давно.

– Вот-вот! Это бог к нам прикасается, приподнимает. Он и приподнял моего дружка и унес. Теперь он в раю...

– Повтори, не расслышал?

– В раю, где же еще. И Валюша в раю, а мне там не бывать. – Он затих. В комнате был полумрак. Лампочка еле-еле горела. И гость мой заметил:

– Чубайс худо светит...

– Кто, кто, не расслышал?

– Ну уж – не сочиняй. Чубайса, что ли, не знаешь, главного энергетика. Почему ему кнопку доверили – не понимаю. – Он хмыкнул и подставил свой стул поближе к батарее. И сразу же по комнате поплыл солоноватый влажный запах. Наверное, от его одежды

шли испарения. А за окнами творилось что-то неладное – ветер раскачивал деревья и завывал. Начиналась большая метель. И под эти звуки он неожиданно произнес:

– Я ведь скоро поеду... Скоро, скоро помахаю вам ручкой.

– А куда путь?

– В Москву, в Москву-матушку, в Москву! – Он прищелкнул языком, глаза заблестели. И опять в них означилась та синева, которая недавно так меня поразила. А он продолжал удивлять:

– Мечтаю напрямиком в Кремль, к самому главному.

– Нет уж, Михаил Иванович! – у меня вырвалось как-то официально. – К главному тебе не бывать. Он за семью запорами. А добиваться станешь – составят акт. И... – я засмеялся. – И – прощай, любимый город...

Этот смех ему не понравился. Мой гость резко поднялся со стула и заходил по комнате. Он тяжело дышал, а в глазах что-то переливалось, играло – какая-то ртуть. Я думал, он устанет, присядет, но Миша все ходил и ходил. Наконец, подошел близко-близко ко мне и заглянул прямо в глаза. Такое он уже делал не раз. Смотрит прямо в глаза, не мигает. Так и сейчас. И вот заговорил:

– А смеяться – грешно. Последнее дело – смеяться над человеком. К тому же я все продумал, но ты, наверное, прав – у самого главного мне не бывать. Но в правительство открыта дверь. Я скажу им всю правду. Обрисую жизнь нашу, открою глаза.

– А они, значит, малые дети. Не знают, где конопля растет, а где крапива. А ты их маленько подучишь?

– Опять смеетесь! – Он поискал глазами стул и присел. Потом переставил стул поближе к столу, а глаза – прямо в меня:

– Зачем смеяться. К Ленину тоже шли ходоки, и у них выгорало, да. Только поговорят с Ильичом – он топнет ногой... Да, топнет, прикажет, и завертелась вся канцелярия. Вот и я... – И тут я его перебил. Меня стал раздражать его уверенный тон.

– Ну хорошо... – начал я вполне спокойно. – Зайдешь в правительство, а там спросят: где ваш мандат, где печати, да кого представляете, да зачем... Есть такие любители очень едких вопросов.

Мои слова, видимо, его смутили, насторожили, и он замкнулся. Молчал выразительно, точно в нем что-то накапливалось, оживало, точно он на что-то решался, – и вот опять заблестели глаза.

– А мне помогут! Помогут! – голос вышел звонкий, напористый, как у мальчишки. Я даже его не узнал.

– Но кто поможет? – прервал я его ликование. Он повернулся ко мне всем туловищем и покачал головой:

– Значит, не верите?.. Вижу – не верите. А я зайду в газету «Четвертая полоса» и там возьму все мандаты. Редактор меня уважает и любой лист подмахнет.

– Какой лист?

– Ну, мандат-то... Так что успокойся и помолчи в тряпочку. Я могу и задание взять – написать, к примеру, о московских храмах. – Он победно посмотрел на меня и вытянул что есть силы шейку. Эх, какой петушок! Сейчас прокукарекает. Так и есть:

– Ловко, а? Не бери меня голой-то рукой, а то обожгешься, – и он засмеялся, счастливый. – Есть там еще в нашей бутылочке? Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец.

Я плеснул ему несколько капель. Он выпил и зажал рот рукавом:

– Как ее, стерву, принимают? Раньше хоть из пшеницы гнали, а теперь какая пшеница? – Он безнадежно махнул рукой, и взгляд его погрузнел.

– А как поедешь? Билет в Москву дорогой. Недавно еще добавили...

– Значит, поеду. – Он выразительно хмыкнул. – У меня на смерть отложено девятьсот рублей. Этого, конечно, мало, так что денежки использую на билет. А когда помру, то на снег не выбросят. Оно, конечно... – Он еще хотел что-то добавить, но потом обреченно

махнул рукой. – А во-вторых, решение принято, альтернативы не будет. Полный консенсус! Так говорят господа демократы, ха-ха. – Он нехорошо усмехнулся и посмотрел долгим взглядом в окно. А на улице, видно, гуляла метель. Там, за рамами, все время что-то постукивало, потрескивало, наверно, прохаживался воевода-мороз. А Миша в этот миг опять смотрел на меня, и я не выдержал этот взгляд. И он размечтался:

– Лишь бы доехать! А там уж... Я такое им расскажу!.. – Он погрозил кулачком куда-то в угол, точно там обитал кто-то живой.

– Москву ничем не удивишь... – Я сказал это очень тихо, как бы себе сказал, но он услышал. И сразу – на приступ:

– Зачем удивлять?! Я им правду в зубы. Пусть правды моей наедятся, да... А первым делом скажу, что народишко наш устал, еле ноги таскает. И кругом – воровство...

– В Москве, конечно, не знают.

– А если знают, пусть меняют законы. Надо круто за воровство, да... Надо отрубать воругам пальцы. Чик-чик – и нету. Второй раз застукали, то руку отсекай! И только так, иначе не согласен.

– Это же по-дикарски!

– А разве воры – люди? Разве люди они... Что замолчал? – Лицо его побледнело, а веки подрагивали. Наверное, расходились нервы. Я наблюдал за его лицом, а потом немного отвлекся. У меня было включено радио, и там звучал чудный голос. И я следил за ним и переживал, боясь даже дышать. Передавали старинный романс, и исполняла его несравненная Татьяна Петрова... И этот голос, рожденный от Бога, и громкое потрескивание мороза, и бледное уставшее лицо моего гостя так задевали сердце, что стало трудно дышать. Видно, и у меня расходились нервы. Конечно же, нервы: и вот уж холодок бежит по спине, какой-то внезапный пронзительный холодок, – и вот уж все ниже он, ниже, и вот уж обессилели ноги и вроде совсем отнялись, и так всегда... И так всегда, когда слышу подобный голос, такое небесное пение, – и сразу хочется забыть все, отрешиться, заплакать, как хорошо иногда заплакать... И вот уже слезы подступают к горлу, и не спастись от них, не спастись... Да и зачем, для чего. Ведь все пройдет и погаснет... И сама жизнь тоже пройдет и погаснет, как свечка, – согласилась душа. Но меня отвлекли:

– Все равно поеду, поеду! А если поезда не будет, тогда пешочком по шпалам, по шпалам – и всю правду...

– Какую правду?! Ах, да... – спохватился я. – А как же собака? Белочка-то ваша, красавица... Вы уедете и...

– Что «и»? – шейка у него вытянулась, а глаза сверкнули нехорошо. И даже голос изменился, стал с хрипотцой:

– Белку я заберу с собой. А теперь – прощевайте!! – последние слова он произнес с каким-то вызовом, точно обиделся, но на что?.. И я стал его умолять:

– Погости еще, может, снова чайку? Или по рюмочке?

– Некогда нам чаевничать. И так загостились. Да и метель начинается. Ох, и люблю я эту метель. Белка, пойдём!

Он взялся за ручку двери, и собачонка резво соскочила с коврика и стала поскуливать. Мне даже показалось, что она обрадовалась – глазенки у неё бегали по сторонам, и в них горело что-то веселое. И вот дверь уже заскрипела, а мне хотелось их остановить, задержать, но не было сил. И вот дверь хлопнула, и они ушли.

Утром жена сказала, что во сне я вскрикивал, ворочался с боку на бок и звал кого-то. Чудеса! Я даже на нее рассердился, прикрикнул – мне, мол, некого звать. Она поджала губы и опустила глаза. Я, вообще-то, никогда ее не обижаю, жалею, а тут сорвался. Весь день было стыдно, я не выходил из комнаты, не отвечал на телефон и все время ждал какого-то наказания. И дождался – я заболел. А болезнь странная, непонятная – то ли простуда, то ли давление, то ли нервы опять. Ах, эти нервы... Целую неделю я не выходил из дома, но потом все же выбрался на рынок. Глаза по привычке искали у входа

знакомую фигурку, но Миши не было, на его месте сидел безногий калека с протянутой рукой. Я походил возле дверей, пошарил глазами по всем углам, но что искать – пропал человек. И на следующий день его не было, и через неделю. А потом свалились новогодние праздники, и я отвлекся. А потом и вовсе жизнь треснула: жену надолго положили в больницу, и на меня упали заботы – не продохнуть... Дни помаленьку бежали, спешили, и вот уже с крыш закапало, и солнышко заиграло – наступил долгожданный март. Но и весной Миша не объявился, видно, ушел в подполье. И все ж надежда умирает последней – я продолжал ждать и надеяться. И вот как-то я встретился с Белочкой. Точнее сказать, случайно наткнулся. Она была все такая же – беленькая, узкомордая, глаза-бусинки, как у белочки, и такой же, как у белочки, хвост. Собачка что-то обнюхивала возле мусорной урны и время от времени изучала прохожих. Я подошел к ней совсем близко, она тявкнула и оскалилась.

– Что, не узнала?

Она снова тявкнула, и вдруг я понял – это же не она! У той глаза были гордые и веселые, а у этой – покорные, вялые, как у всех бродячих собак. Конечно же, я расстроился. А вечером больше того: слушал по телевидению местные новости, и наша красавица дикторша своим холодным спокойненьким голосом стала читать длинное милицейское объявление: «Предположительно месяц назад ушел из дома и не вернулся Дрозд Михаил Иванович. На нем было поношенное пальто коричневого цвета, на ногах – подшитые валенки. На них возможны калоши... Характерные приметы: волосы светло-русые, редкие, нос слегка удлинненный и со следами оспы. На шее, с правой стороны, родинка продолговатой формы. Если кто знает о местонахождении этого человека, сообщите его дочери, даем контактные телефоны». Затем показали фотографию. И я сразу узнал его, да и как не узнать! Ведь все совпадает: и лицо, и имя, фамилия. Только немного обиделся на нашу дикторшу – зачем она про эти калоши? Может, придумала от себя... И тут я вспомнил, я отчетливо вспомнил, что на пимах у него действительно были калоши. И после этого я потерял покой. Днем еще ничего, а вот только стемнеет – сразу беда. И сна не стало. Только начну засыпать – сразу в уши его напористый голосок: «Все равно поеду, поеду! А если поезда не будет, тогда пешочком по шпалам, по шпалам...» И после этих слов, как по чьей-то жуткой команде, выплывает его лицо. Оно то отдаляется, то совсем рядом, рядом, можно даже дотронуться, провести рукой. И так до утра. А потом, на другую ночь, все повторяется, – и у меня изболелась душа. Жена посоветовала – сходи в храм, поставь за него свечку, подай милостыньку одиноким старушкам. Я так и сделал, но не помогло. Зато через неделю снова начались чудеса. Я пошел тогда на рынок и сразу же у главных ворот увидел знакомую фигурку. Она подняла высоко левую руку, и там, в ладони, трепыхались газеты. Они походили на белых веселых птиц, а у меня сжалось дыхание: «Михаил Иванович! Неужели?!» Я подошел поближе и чуть не задохнулся от горя – это был не он, нет, не он.

Газетами торговал чей-то худенький бойкий мальчишка. А кричал он всего два слова: «Последние новости! Последние новости!» Увидев меня, он разулыбался и кивнул мне, как знакомому. Мальчишка был почему-то без шапки и все зубы наголо. Чудеса! Но откуда он меня знает? Откуда?.. А чудеса между тем продолжались.

И пришли они с неба – начался снег. Он был густой, обложной, какой-то ненастоящий. Такого не было у нас уже тысячу лет... А снег все летел и летел и походил то на вату, а то на гусиный пух. И они все кружились над нами, летали, и в таких же белых туманах летала душа. Господи, как хорошо, как чудесно, – шептала она кому-то, обещая и жизнь и тепло, обещая избавление от всяких мук человеческих, от всяких напастей. А снег все летел и летел, и скоро он покрыл белым саваном наш городок и отправился дальше, все дальше, и в этом саване потерялись сразу все дома и деревья, потерялись все люди... И только одна маленькая фигурка все еще спешила куда-то, спешила, а сзади нее бежала веселенькая беленькая собачка. Но скоро белое слилось с белым, и все исчезло, точно и не было никогда, точно приснилось.

Лев КОТЮКОВ

«Грядущее с обветренным лицом...»

* * *

Тяжелой зимней ранью сын с отцом
Спешат угрюмо в детский сад «Орленок».
Грядущее с обветренным лицом
Шагает между ними тропкой льдистой.

Снег пахнет обмороженным свинцом,
Свет фонарей скользит по гололеду...
И за руки берутся сын с отцом,
И отстаёт грядущее в смущенье.

Тяжелой зимней ранью сын с отцом
Спешат угрюмо день заполнить жизнью.
Снег пахнет обмороженным свинцом,
И кто-то в бок грядущее толкает.

Спешат, храня друг друга, сын с отцом...
И думает грядущее с тоскою,
Ударившись о темный лед лицом,
Что жизнь и время не нужны друг другу.

На окраине

Ребятчи голоса умолкли.
Калитки притворила ночь.
Старухи около колонки
Друг дружке силятся помочь.

Тугой рычаг с усердьем давят,
Вздыхают тяжело: «Вот беда!..
Неужто без воды оставят?..»
Но льется вялая вода.

Скрипят, скрипят на ведрах дужки,
И окна редкие горят.
Старухи с радостью друг дружке
«Спокойной ночи!..» – говорят.

А ночь глядит в глаза жестоко,
И смерть не помнит ни о ком.
И у колонки одиноко
Стоит Судьба с пустым ведром.

Ушедшему

Открытое солнце затылок печет
И бестолку тратит полдневные силы.
И вздрогнешь, толкнувшись в чужое плечо,
На узкой дорожке у свежей могилы.

За музыкой смолкшею люди молчат,
И в лица друг друга боятся взглядеться.
И комья сухие о крышку стучат,
И бьется о ребра воскресшее сердце.

* * *

Летит, летит листва на свет закатов ясных.
В преддверье холодов гудёт вода в реке.
Тяжелые пески в сосновом солнце гаснут, –
И меркнут города и храмы на песке.

И ночь таит в себе с надеждой свет померкший,
Как вечный океан последнюю волну.
И глубина глубин выходит на поверхность,
И высота высот уходит в глубину.

Вот-вот и над Землей взойдет звезда Ремфана.
Звезда Ремфана – смерть царей Земли.
И в доме без огня над картой океана
Заплачет человек, сорвавшийся с петли.

Памяти любимых

Книга без конца и без заглавия,
Так и не прочитана она.
Над рекой вечерней без дыхания
Темная, сухая тишина.

Водевиль на сцене драматической, –
Жалкий рай в потерянном аду.
И осколки лампы электрической
На скамейке в городском саду.

Но хранила свет любовь нежданная
Перед расставаньем навсегда.
Как звезда чужая, но желанная
Над пустой дорогой в никуда.

Леонид ЗОРИН

«И солнце светило у Черного моря...»

* * *

Г.И. Радимовой

Радимова... Родимая... Родная –
В созвучьях этих радость и тепло.
И каждый, кто с тобой встречался, знает,
Когда ты рядом – на душе светло.

И красотой твоей порой любуюсь,
Я задаю себе всегда вопрос:
Но можно ли найти еще такую
Как наша Галя, нежно-деловую,
Красивую и стройно-молодую,
Не добрый Ангел ли тебя принес?

И сам себе я честно отвечаю,
Что не могу дать истинный ответ,
Но лишь одно я безусловно знаю:
Такой, как Галя, больше в мире – нет!

Летят года, таинственны и быстры,
Но несмотря на чехарду вельмож,
Тобой гордились все твои министры
И твердо знали – ты не подведешь!

В твоих глазах приветливая строгость
И доброта в общении с людьми,
Ты – символ нашей отрасли и гордость,
А для друзей ты просто: *cher ami!*

Аптека

Суетятся политики. Войны бушуют,
И неизбежность удел человека,
Но человек никогда не минует
Жизни оазис с названием «Аптека».

Смена формаций. Отставка министров,
И президенты летят, как на треке.
Но... как бы ни был министр неистов,
Он не способен прожить без аптеки.

...Бабушка скорбно считает копейки...
Кто-то ныряет в молочные реки.
Можно прожить без икры и индейки,
Но невозможно прожить без аптеки.

Вывод приходит для нас безусловный:
Труд в этом жизненно важном отсеке
Хоть благородный, но тяжкий и скромный,
Даже в элитной по виду аптеке.

Рыцарь

Сергею Пащину

Хочу сказать о Пащине три слова
(Но к ним еще три сотни подберу!) –
О том, что он всей отрасли основа,
И это – правда, я ничуть не вру.

Его по времени я знаю сороковник
(Ну, может быть, немного перебрал):
Солдат, сержант, дел нефтяных полковник,
А ныне – газовый отважный генерал.

Вся жизнь его – пример служенья делу,
Без всяких скидок – трудовой экстрим.
И тем не менее, за принципы и смелость
Не раз он был невеждами гоним.

А за друзей – готов всегда на плаху,
Чтоб их от всякой скверны защитить.
И не привык он охать, ныть и ахать, –
Привык работать, верить и творить.

Не признавая в жизни скользких тропок,
Всегда идя дорогою прямой,
Снискал он уважение Европы,
А прежде был Надым и Уренгой.

Он поднимал немало регионов,
Но вновь пришел в родной Башкортостан,
С которым был с рожденья связан кровно,
Любить который он не перестал.

Он в людях ценит правду и надежность
И не приемлет пустоту и ложь.
Порой забыв про слово «осторожность»,
Он смело выдвигает молодежь.

И зная толк в достоинствах науки
Как доктор (ну а раньше – кандидат),
К реальной жизни прилагает руки,
Чтоб газ был там, где люди захотят.

Муж любящий и молодой папаша
Трех чудных деток (старший – Тимофей),
Идет по жизни гордо друг мой Пашин,
И отмечает славный юбилей.

СОН

Пронзительно яркий и сладостный сон
Увидел я ночью, пленительно-грустно,
Как будто всех прожитых лет колесо
Вдруг вспять покатилося на праздники чувства.

Как будто проснулся притихший вулкан
И вспыхнул пожаром неведомой силы.
И я, обнимая твой девичий стан,
Тебя ощущал молодой и красивой.

Друг другу шептали мы множество слов,
Как в сказке, как в нежно-безумной поэме,
О том, что не сгинула наша любовь,
А просто она затаилась на время.

И ярко вокруг расцветали цветы,
И солнце светило у Черного моря.
И все были живы и живы мечты
Без привкуса слез безутешного горя.

...Но кончился сон и осенняя явь
В окно постучала опавшею веткой.
Из озера грез выбирался я вплавь
И тихо шептал себе: хватит, оставь,
Что было хорошего в сердце – восславь,
Как жаль, что такое встречается редко...

Поют на сердце СОЛОВЬИ

Загадочна и большеглаза...
Невероятность ваших глаз
Сама собой рождает фразу:
«Как только я увидел Вас»...

А дальше ощущаю внятно,
Как время повернулось вспять.
И что казалось безвозвратным,
Вдруг возвращается опять.

Зима ли, осень – так лирично
Поют на сердце соловьи.
Светлана – образ артистичный,
Не современно-романтичный –
Оазис Счастья и Любви!

Вендетта

В маленьком городе Сан-Бенедето,
Как по Сицилии, бродит Вендетта.
Здесь в пантеоне на кладбище старом
Спят вечным сном молодые гусары.

Что им зима или жаркое лето –
Их упокоила кровь и Вендетта.
Ходит разгульная, как по Сицилии,
И не скупится на белые лилии.

И под аккорды Нино и Вивальди
Кружит воинственный дух Гарибальди.
Здесь улыбаются, любят спагетти,
Ну а глаза говорят о Вендетте.

Будь осторожен, путник красивый,
Если приехал ты из России.
Честь итальянки тобою задета?! –
Знай, что ответом грянет – Вендетта!

Даже калеки и малые дети
Целые сутки готовы к Вендетте.
Помня об этом денно и ночью,
Ты не покинешь планету досрочно.

Впрочем, простите: шутка все это,
Редко в Сан-Бенедето – Вендетта.
В Сан-Бенедето ныне другое:
Скорей приезжай и увидишь так-о-оо...

Турнир

*3-му бильярдному турниру
памяти В.В. Ремизова*

Турнир бильярдный завершен,
И лучшим розданы награды.
И кто в призы не вошел,
Тот все же был с призами рядом.

Хлебнул с успехом мастерства,
Освоил новые приемы.
Теперь мечта его ясна:
Стать через год звездой Газпрома.

Но самый главный Добрый Приз
Тому, кто в жизни был, как знамя,
Кто и, покинув эту жизнь,
Повсюду будет рядом с нами.

Его улыбка, мудрый взгляд
Со стендов, ярких фотографий
О славной жизни говорят,
Не признавая эпитафий.

Валерий Ремизов живет,
И каждый шар, летящий в лузу,
Здесь салютует и поет
В честь тех, кто чтит бильярдный спорт
И дружбы праведные узы.

Россия – Украина

Николай КРОПИН

Исполнилось 60 лет замечательному поэту, постоянному автору нашего альманаха Николаю Кропину. Судьба распорядилась так, что рожденный в России на берегах Волги он большую часть своей биографии живет и работает в Ялте. Яркая палитра его талантливых стихов, глубоко лиричных, гражданственных, искренних, находит живой отклик в сердцах многих тысяч читателей не только в России и Украине, но и во многих других странах. На его стихи ряд известных композиторов создали песни, которые на протяжении многих лет исполняют популярные эстрадные вокалисты.

Редакция альманаха «Литературный факел» от всего сердца поздравляет поэта с юбилеем, желает ему здоровья и дальнейших успехов на благородной ниве поэтического творчества.

* * *

Быстро молодость проходит!
Безвозвратно улетая,
Жизнь еще похороводит
И промчит, как птица в стае.
Ни к чему и невозможно
Прятать годы от волнений.
Потому порой тревожно
На волнах лихих мгновений,
Для которых без штурвала
Самый длинный путь – к прибору...
Я хочу с девятым валом
Уходить в былое с боем.
Или стать попутным ветром
У шального урагана –
Покружить под божьим светом
На просторах океана!
И душа моя с рожденья
В тесной дружбе с непокоем.
Я не буду чьей-то тенью
До последних дней. Ни в коем!
И лишь разум мой все строже
Тормозит желанья – каюсь!
Для него покой дороже.
С ним, бывает, соглашаюсь.

* * *

Не раз бывало – вдруг слова придут,
Сорвутся свыше, с неба упадут,
Встревожат сердце, разволнуют грудь.
О чем слова? – Да так, о чем-нибудь.
Но с той минуты мне нельзя без них –
Найдется рифма, вскроет душу стих.
И вновь с Пегасом я отправлюсь в путь.
О чем сюжет? – Да так, о чем-нибудь.
В который раз с бессонницей на «ты»,
В который раз я ей дарю цветы
За звездный взлет, за вдохновенья суть.
Зачем пишу? – Да так, зачем-нибудь.
Пусть заполночь, пусть в предрассветный час
Я допишу. Я не закрою глаз –
Мне после точки сразу не уснуть.
Кому стихи? – Да так, кому-нибудь!

* * *

Здравствуй, осень-непогода,
Дней моих неразбериха!
Ты – в законе время года –
В жизнь мою влетела лихо.
Здравствуй, осень-незадача,
Долгожданная прохлада.
Может, ты – моя удача,
Может, мне тебя и надо.
Я свою весну лелею,
Помню гром в начале мая.
Отгремело – не жалую.
Не сложилось – принимаю.
Был любимчиком у лета...
Быть с тобой – другое дело!
Откровенно, по секрету,
Мне жара поднадоела.
Но всему приходит время:
Ты вошла в мой мир по праву.
Для кого-то осень – бремя,
Ты моей душе по нраву.
Очень может даже странно
И по-летнему наивно –
Я влюблен в твои туманы,
Очень верится – взаимно.
Я твои дожди читаю
И люблюсь небом в тучах,
Листопады почитаю,
Чую соль ветров колочих.
Я люблю на Черном море
Белый шторм осенней мощи.
Я с прибором в давнем споре –
А осенний спор – не прощя!
...Здравствуй, осень-сероглазка
В желто-красном пуловере!
Мне о бабьем лете сказку
Расскажи! А я поверю.

Лев и Лисица

В лесу пошел переполох,
Вскипели страсти –
Царь Лев, похоже, занемог
От груза власти.

Он отошел от царских дел,
Уединился.
Он даже к львицам охладел,
Остепенился.
Угас природный интерес
В повадках львиных.
И царский трон утратил вес
В глазах звериных.
Пришла пора менять царя
По всем приметам.
И враз багряная заря
Взошла с рассветом.
...В борьбу за трон вступил Медведь –
С лесных опушек.
Он стал на всех рычать, реветь,
Пугать зверюшек.
А с ним попутчица – Беда
Кружила рядом.
Зверье от страха кто – куда
От встречи с адом.
...У волчьей стаи свой прицел
И виды к трону –
Кто вместе с нею, –
Будет цел,
Того не тронут.
Тому, кто против вожака,
Судьба простая –
Познает мощь его клыка
И нравы стаи...
И полилась по лесу кровь!
По кривотолкам,
За спесь к Медведю, нелюбовь –
К персоне Волка.
...Переиграла всех Лиса –
Она моментом
Отвоевала голоса
У оппонентов.
Медведя – медом диких пчел
Заугощала,
И сладких ягод, чтоб учел,
Наобещала...
На Волка чары навела
До боли в жилах,
И сердце волчье в плен взяла,
Приворожила...
Ее боготворили все
Под царской крышей –
Зверье поверило Лисе:
Слоны и Мыши.
...Когда она взошла на трон –
К себе, не в гости! –
Очнулся Лев от спячки. Он
Вскипел от злости,
Взревел, оскалил злую пасть,
Привстал сутуло –
И желтохвостую напасть
Как ветром сдуло!
Мораль – решая стать Царем
Или Царицей,
Ты должен быть по сути Львом.
Но не Лисицей!

